

DOI: 10.17805/zpu.2021.1.7

Персональная модернизация: трансформация человека на пути в новую современность

В. П. Веряскина

Институт философии РАН

Актуальность проблемы персональной модернизации обусловлена необходимостью теоретического осмысления вызовов человеческому развитию в XXI в. в связи с переходом к постиндустриальному развитию, экономике знаний и внедрению новых технологий.

В статье анализируются малоисследованные аспекты персональной модернизации в условиях новой современности. Персональная модернизация понимается как процесс взаимодействия человека с социальными институтами, прежде всего с новейшими формами капитализма — когнитивного, цифрового, биокапитализма. В работе показано, что трансформация человека новой современности XXI в. связана с изменением характера труда и востребованностью нового типа работника, ориентированного на творчество, инновации, развитие человеческого капитала. Наряду с востребованностью специалистов, обладающих высоким уровнем человеческого капитала в сфере знаний — когнитариата, замещение труда технологиями ведет к возникновению прекариата и изменению социального статуса среднего класса. Эти процессы реализуются в глобальном мире в контексте растущего социального неравенства.

В результате автор приходит к выводу о том, что персональная модернизация человека в новой современности реализуется в условиях складывающейся тенденции дисциплинарного капитализма. При этом пространство свободы возможностей человеческого развития сужается, а дисциплинарность, надзор и манипуляции человеком с помощью технологий усиливаются. Социальное неравенство в этой ситуации служит катализатором ограничения возможностей человеческого развития.

Ключевые слова: персональная модернизация; человеческое развитие; неравенство; капитализм; технологии; труд; человеческий капитал; когнитариат; прекариат; средний класс

ВВЕДЕНИЕ

Этап новой современности, начавшийся в последней трети XX в., связан прежде всего с переходом к постиндустриальному развитию, к экономике и обществу знания. Он также связан с изменением человека, характеризующим его персональную модернизацию. Под персональной модернизацией понимается проблематизация взаимодействия индивидов с социальными институтами современности, в результате которого преобразуются и трансформируются сами индивиды. В XXI в. возникает ряд вызовов, которые характеризуют пути, ведущие в новую современность. К ним относятся вызовы, обусловленные технологиями четвертой промышленной революции (Шваб, 2019), связанные с изменением характера труда и востребованностью нового типа работника; возникновение прекариата, его социальные и индивидуальные перспективы в обществе; рост неравенства и понимание человека в новой современности как глобальной проблемы; своеобразие использования человеческого капитала. Этот широкий спектр вызовов новой современности требует теоретического осмысления человеческого измерения социально-исторического процесса в условиях капитализма как доминирующего социального института современности, влияющего на трансформацию человека. В статье ставится задача обратиться к анализу этих вызовов и показать, как изменяется баланс «двуединой проблемы субъективной свободы и общественного порядка» (Капустин, 2001: 587), выражающий суть современности, как он влияет на трансформацию и индивидуализацию человека.

*ПЕРСОНАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ:
ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЙ*

Обратимся к диагнозу исторического изменения человека, предложенному известным немецким социологом П. Вагнером. Он отмечает: «История современности (modernity) не может быть описана просто в терминах растущей автономии и демократии, но скорее в терминах изменения понятий о субстанциальных основаниях самореализации и смещения ударения на отношение тем, что дано индивиду, и какие публично-коллективные возможности имеются. С этой точки зрения мой диагноз фиксирует проблематичную асимметрию... Трансформация самого человека в современности может быть увидена как параллельный и драматический процесс освобождения и дисциплинирования» (Wagner, 1994: XI). Важно посмотреть, как это реализуется.

Новый этап в становлении теоретических подходов к проблеме персональной модернизации связан с концепциями человеческого капитала и человеческого развития. Оформление теории человеческого капитала представлено именами ученых «чикагской школы». Это прежде всего основоположник теории, лауреат Нобелевской премии Гэрри Беккер (Becker, 1975), а также Теодор Шульц, Бартон Вайсборн, Ли Хансен, Джордж Минцер. Под человеческим капиталом понимаются качественные характеристики рабочей силы, способы и навыки, которые создаются индивидами в процессе образования и повышают возможности приносить доход. Вместе с тем обладание человеческим капиталом не тождественно человеческому развитию. Под человеческим развитием в концепции Программы развития ООН (ПР ООН) понимается расширение спектра и возможностей социального, экономического, политического, интеллектуального и морального выбора каждого члена общества. Суть персональной модернизации — становление человека современным, на наш взгляд, не должна сводиться лишь к инструментальной интерпретации возможностей человека. Она должна быть осмыслена в широкой панораме исторического изменения человека в меняющемся мире и взаимодействии с меняющимися социальными институтами. В оценке итогов исторического развития человека, предшествующих этапу новой современности, отмечается: «Персональная модернизация сделала человека индивидуалистом, автономным индивидом, признающим права и автономию других людей... она склонна к экспериментам и инновациям, плюрализму мнений, терпимости, ориентирована на настоящее и будущее, а не на прошлое, активна и уверена в позитивных результатах своей деятельности, планирует будущее, верит в закономерности общественной жизни, в справедливость распределения, в то, что оно зависит от затраченного труда, ценит образование, уважает достоинство других» (Федотова В., Колпаков В., Федотова Н., 2008: 200–201). Вместе с тем выделяются и такие качества: «Модернизированная личность рациональна, умеет ценить время, ответственна за свою судьбу» (Inkeles, Smith, 1974: 291). Персональная модернизация — это не только переход к современному типу человека в отличие от традиционного, не только востребованность качеств человеческого капитала в соответствии с вызовами экономического развития, но она может рассматриваться и в более широком контексте человеческого измерения исторического процесса как совершенствование и развитие человека как цели и ценности. На многомерность этого процесса пронизательно обратил внимание Амартия Сен — лауреат Нобелевской премии по экономике (1998 г.), эксперт и соавтор Докладов ПР ООН: «Если сфокусировать исследования главным образом на расширении человеческой свободы жить в соответствии с собственным представлением о ценностях, то роль экономического роста в расширении таких воз-

возможностей интегрируется в более фундаментальное понимание процесса развития как наращивание человеческих возможностей вести более достойную и более свободную жизнь» (Сен, 2004: 328; курсив наш. — В. В.). Вместе с тем проблемой этапа новой современности является вопрос о наращивании возможностей человека вести более достойную и более свободную жизнь в условиях новейших форм капитализма — когнитивного, цифрового, биокапитализма.

В начале обратимся к достижениям в человеческом развитии, обобщенную картину которых дают Доклады ПР ООН, а затем к главной проблеме в современном мире — неравенству, которое обуславливает исходные условия для персональной модернизации.

*МОНИТОРИНГ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ.
НОВОЕ ПОНИМАНИЕ НЕРАВЕНСТВА В XXI ВЕКЕ И ЕГО СВЯЗЬ
С ПЕРСОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ*

Ежегодные итоги исследования человеческого развития как глобального проекта ПР ООН на основе количественных и статистических данных, охватывающих 198 стран мира, публиковались в «Докладах о человеческом развитии» начиная с 1990 г. по настоящее время на протяжении 30 лет. За это время было выпущено более 800 тематических докладов. Основным показателем на протяжении всего времени был Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), впоследствии — ИЧР (Индекс человеческого развития). Это составной индекс, куда входят три параметра — ожидаемая продолжительность жизни при рождении, продолжительность обучения и доход на душу населения. Впоследствии индексы, рассчитанные на основе математических моделей, представленные в качестве методологии анализа докладов, дополнялись другими измерениями: ИЧР, скорректированный с учетом неравенства, — (ИЧРН), индекс гендерного развития (ИГР), индекс гендерного неравенства (ИГН), индекс многомерной бедности, которые давали более широкую панораму человеческого развития. Обобщенная на настоящий момент картина человеческого развития в мире имеет следующие показатели: за три последних десятилетия все регионы и группы стран достигли существенного прогресса. Величина глобального ИЧР в 2017 г. достигла величины 0,728 (100% равно 1), что на 21,7% выше, чем в 1990 г., и составляла лишь 0,582. Во всем мире люди живут дольше, лучше обучены, имеют более широкие жизненные возможности. Средняя продолжительность жизни увеличилась на 7 лет, а всеобщий охват начальным образованием существует более чем в 130 странах (из 187, в которых проводилось исследование) (Доклад ООН ... , 2018: 2; Электронный ресурс; Веряскина, 2021: 210–234).

В последнее время в разработке концепции человеческого развития ПР ООН намечился важный поворот: от методологии количественного сравнительного анализа показателей и индексов к проблеме *качества в человеческом развитии*, его особенностей и специфики. Об этом свидетельствует последний по времени изданный Доклад 2019 (Доклад ... , 2019: Электронный ресурс). Его Генеральная ассамблея ООН признала независимым интеллектуальным проектом и важнейшим инструментом для привлечения внимания к проблемам человеческого развития во всем мире. Цель Доклада — подойти к решению проблем неравенства за рамками только доходов и средних показателей, обратить внимание на недостаточность понимания ситуации *только* с точки зрения категории экономики, отношения к власти немногих и безвластия большинства, к усиливающимся протестам против социальных и политических норм, закрепляющих неравенство в какой бы то ни было форме.

«Равенство в чем?» — задает простой на первый взгляд вопрос А. Сен. Его ответ: равенство в том, о чем мы заботимся в целях построения будущего, к которому мы стремимся» (там же: 5). Такой подход ориентирован на перспективы. Новое поколение проявления неравенства связано с ограничением в возможностях развития, с доступом к ресурсам, меняющим способности и навыки, необходимым для того, чтобы быть конкурентоспособным в ближайшем будущем. Целевыми ориентирами в XXI в. в решении неравенства должен стать долгосрочный тренд в развитии: от базовых возможностей — к расширенным. *Базовые возможности* предполагают условия для выживания детей в раннем возрасте, доступ к начальному образованию и основным технологиям, устойчивость к потрясениям, например к климатическим. *Расширенные возможности* предполагают доступ к качественным услугам на всех уровнях образования и здравоохранения, эффективный доступ к современным технологиям и устойчивость к неизвестным новым потрясениям (например, таким, как пандемия).

Обращение к проблеме не только количественных, но что особенно важно — качественных характеристик неравенства указывает на *тренд, фиксирующий исходные, а затем пролонгированные условия, в которых будет реализовываться персональная модернизация.*

Концептуальный подход к новому пониманию неравенства в XXI в., развиваемый ПР ООН, концентрируется в пяти ключевых положениях.

— Диспропорции в уровне человеческого развития остаются широко распространенными, несмотря на достижения сокращения крайних видов депривации.

— Несмотря на процессы конвергенции в базовых возможностях, формируется новое поколение проявления неравенства, и при этом наблюдается дивергенция в расширенных возможностях; увеличивается неравенство доступа к расширенным возможностям.

— Проявления неравенства накапливаются в течение жизни, отражая глубокий дисбаланс сил, влияющий на последующее развитие человека.

— Оценка проявлений неравенства в уровне человеческого развития требует новых подходов к его измерению.

— Действовать необходимо до того, как дисбаланс экономических сил будет закреплён на политическом уровне (там же: 7).

В условиях радикальных технологических изменений неравенство в XXI в. приобретает новые формы, они связаны с доступом к новейшим эффективным технологиям и собственности, к технологической инфраструктуре и одновременно к возможностям трудовой занятости.

Институты и меры политики, помогающие сдерживать неравенство на протяжении XX в., требуют новых подходов. Достижения в базовых возможностях уже не будут отвечать ожиданиям в XXI в. Важны как доходы, так и возможности развития. В программе развития ООН решение проблем человеческого развития зависит от стратегического системного подхода в политике. При этом варианты воздействия охватывают дорыночную, внутрирыночную и послерыночную политику. Каждая из этих сфер и их взаимодействие вносит свой вклад. Дорыночная политика может сократить неравенство в возможностях, помогая каждому выйти на рынок труда более подготовленными посредством оптимизации условий для социализации, сохранения здоровья и образования. Внутрирыночная сфера, определяемая законами рынка, может корректироваться нормативными актами, способствующими выравниванию через регуляцию коэффициентов экономической активности, зарплат и прибыли.

Послерыночная политика имеет большое значение для мобилизации государственных доходов от налогов с целью финансирования здравоохранения и образования. Кроме того, в дискуссиях активно обсуждаются идеи возможности введения безусловного базового дохода (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020; Срничек, Уильямс, 2019). Можно сделать вывод, что заявленный ПР ООН проект человеческого развития показывает не только текущий мониторинг этого процесса, но и вектор трансформации человека в XXI в. в ответ на вызовы современности, главным из которых является неравенство как объективное условие для процессов персональной модернизации.

Неравенство как экзистенциальный модус человека в концепции З. Баумана. Анализируя проблему неравенства, важно обратить внимание не только на объективные тенденции в процессах, связанных с ним, но и на субъективное, эмоционально-психологическое экзистенциальное переживание человеком неравенства, воспринимаемого как несправедливость. На эти аспекты в понимании и истолковании современного неравенства обращает внимание известный социолог Зигмунт Бауман: «Существует разница и отсутствие всякой связи между статистически схватываемым, объективным, измеримым распределением материальных ценностей, дохода, престижа и соответствующим им атрибутом, с одной стороны, и субъективным ощущением депривации» (Бауман, 2019: 97). Это чувство депривации, лишения заслуженного возникает, когда увеличивается разрыв между реальностью и ожидаемым, что приводит к социальной нестабильности. «Этот разрыв, в конечном счете, становится невыносимым и превращается в подмостки, на которых разыгрывается протест против социальной системы, не выполнившей свои обещания» (там же: 98). Чужой успех воспринимается как собственное поражение. Растет массовый протест по всему миру, и на него толкает не абстрактный эталон несправедливости, а сравнение с положением и статусом других людей. Даже в самой богатой стране мира США «на 10% самых богатых американцев приходится 86% национального благосостояния, а на остальных 90% — всего 14%. В глобальном масштабе беднейшая половина человечества (3,5 млрд) владеет 1% общемирового богатства, ровно столько приходится на 85 самых богатых людей на Земле» (там же: 94). Этот разрыв увеличивается, а решение проблемы делегируется на индивидуальный уровень «политики жизни». Конкурентность и биографическое разрешение системных противоречий становится стратегией образа жизни в индивидуализированном обществе, где уменьшается роль социального капитала, а чувство относительной депривации преобразуется в чувство универсальное. В результате возникает экзистенциальная ситуация: «Побочным эффектом осознания “универсальности” депривации оказывается чувство безысходности: чтобы я ни делал в царстве “политики жизни”, ощущение депривации никуда не уйдет. Оно станет моей неизбежной судьбой до тех пор, пока мои действия не выйдут за пределы “политики жизни”» (там же: 101). Такая ситуация, считает З. Бауман, связана, во-первых, с глобализацией властей, самых могущественных и способных определять наши судьбы, таких как транснациональные корпорации, и во-вторых, с глобализацией информационных потоков, расширяющих горизонты взаимозависимости и сравнимости.

Значение концептуального подхода З. Баумана к проблеме неравенства имеет глубокий смысл для понимания человеческого развития в современном мире. Можно сделать следующие выводы.

1. Исходные условия для персональной модернизации в новой современности складываются на фоне резкого усиления «объективного» неравенства, как бы оно ни было измерено. Возникает экзистенциальный модус депривации у большинства людей индивидуализированного общества.

2. Со времени Средневековья складывающаяся пропасть между богатой элитой и остальной частью человечества не была столь глубокой, как в XXI в. Общество расколото по возможностям развития на две «нации», — считает З. Бауман.

3. Аутсайдерам остается играть роль потребителей, стимулирующих рыночные механизмы потребительского общества.

4. Такие социальные и исторические условия являются в XXI в. тем контекстом, в котором происходит трансформация человека, связанная с изменением его социального статуса и возможностями самореализации. Кроме социальных условий, связанных с неравенством, трансформация человека определяется воздействием на него новейших технологий.

*ИЗМЕНЕНИЕ ТРУДА ПОД ВЛИЯНИЕМ НОВЕЙШИХ ТЕХНОЛОГИЙ:
НОВЫЙ ТИП РАБОТНИКА И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ
ПЕРСОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

В XX в. в эпоху расцвета индустриального производства, расширения практик тейлоризма и фордизма культура труда требует специфической сопряженности с персональными качествами людей. «Должны быть унифицированы профессиональные знания и квалификация, выработаны унифицированные психологические качества, необходимые для работы на массовом производстве, создан унифицированный режим труда и образа жизни. Без выполнения этих условий осуществление крупномасштабного производства с его организационной и трудовой дисциплиной не представлялось возможным» (Полякова, 2004: 42–43).

Данная историческая ситуация начинает изменяться в труде и структурной перестройке всего производства в последней трети XX — начале XXI в. в связи с переходом от индустриального к информационному обществу, экономике знаний на основе новейших технологий. Важнейшими становятся прежде всего два исходных направления изменений: зависимость труда от капитала становится односторонней и возникает востребованность нового типа работника. К технологическим изменениям относятся: автоматизация, робототехника, машинное обучение, экономика, основанная на цифровых платформах, искусственный интеллект, глобальный и локальный аутсорсинг. Результатом подобных инноваций становится эффект повышения производительности труда, сокращение издержек и одновременно снижение потребностей в рабочей силе. При этом потребность в работниках носит дифференцированный характер: работодатели нуждаются в высокопрофессиональных, творческих, способных к инновациям людях в ограниченном количестве — когнитариате и заменяют автоматизированными процессами в производстве малоквалифицированный рутинный труд, вытесняя значительную часть людей из трудового процесса. «Традиционный промышленный рабочий класс все более вытесняется специалистами в сфере знаний или “когнитариатом”» (Срничек, 2019: 36). Применительно к процессу персональной модернизации речь идет о позитивной индивидуализации, успешность которой для востребованного индивида ведет к ситуации, когда «победитель получает все», и негативной индивидуализации, связанной с появлением «лишних», не востребованных на рынке труда людей. Между этими крайними полюсами располагается средний класс, занятый интеллектуальной деятельностью, но и его социальный статус может изменяться, и это уже отчасти происходит под влиянием технологий, связанных с искусственным интеллектом. Наступает худшее за всю историю время для работников с заурядными умениями и способностями (Доклад ... , 2016: Электронный ресурс; Форд, 2019). Эксперты Программы развития ООН обращают

внимание на амбивалентный характер влияния технологий. Технологическое замещение труда может сопровождаться восстановительным эффектом, в котором автоматизация и искусственный интеллект могут быть использованы для создания новых задач и новых профессий в XXI в. Важно подчеркнуть, что сегодня формируется тенденция: «Наращивание в базовых возможностях, расширение разрывов в продвинутых технологиях» (Доклад ... , 2019: 201: Электронный ресурс). Если наличие мобильной связи относится к базовым, то к продвинутым относятся технологии искусственного интеллекта, доступ к широкополосным каналам связи, Интернету. Важно сделать процесс развития технологий управляемым. «Чтобы предотвратить новую Великую дивергенцию, следует уделять внимание эволюции распространения технологий, поскольку распространение в благих целях не является ни автоматическим, ни быстрым. Вместо этого технологии вполне могут служить катализатором дивергенции в результатах человеческого развития» (там же: 203).

Структурные изменения под воздействием новейших технологий становятся настолько значимыми, что для понимания новой современности используются понятия когнитивного капитализма, цифрового, биокапитализма. Контекст каждого из них репрезентирует специфическим образом трансформацию человека. В условиях автоматизации, роботизации и цифровизации востребован работник нового типа, приносящий прибыль посредством использования своего человеческого капитала. Изменения характера труда проявляются в следующих особенностях. Во-первых, компании получают возможность благодаря цифровизации быстро увеличить масштабы своей деятельности, расширяющие границы влияния. Во-вторых, технологии изменяют набор навыков, востребованных работодателями. Они ценят в работниках умения решать комплексные проблемы, работать в команде и иметь развитую способность к адаптации. В-третьих, технологии изменяют не только характер труда, но и условия, на которых люди работают. Имеется в виду негарантированность постоянной занятости. При таком изменении характера труда основополагающая роль принадлежит человеческому капиталу, который сам по себе обуславливает от 10 до 30% различий между странами в уровне внутреннего валового продукта (ВВП) на душу населения.

Складывается новая модель работника новой современности, в отличие от стандартизированного работника эпохи индустриального капитализма. Уже в ближайшем будущем потребуются особые навыки и компетенции: творческое и критическое мышление, умение решать проблемы, владение технологиями и навыками межличностного общения, а также такие качества индивидуального характера, как упорство в достижении цели, готовность к сотрудничеству, умение сопереживать, постоянно учиться в течение трудовой жизни, меняя при этом специальности и компании. Таковы по отношению к труду основные особенности персональной модернизации в эпоху новой современности. Путь в будущее — это инвестиции в человеческий капитал, усиление социальной защиты и мобилизация госдоходов. Востребованный под воздействием технологий новый тип работника, который желателен для новой экономики и относится к «победителям, получающим все», должен обладать не только высоким уровнем человеческого капитала, но и организовать свою жизнь, целеориентированную на рынок.

БИОКАПИТАЛИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

В современном мире человеческая жизнь проблематизируется по многим направлениям. В обществе, основанном на знаниях, быстро вырастает значимость наук о

жизни, что дает основания называть новейшую мутацию капитализма биокапитализмом (Rajan, 2006). К. Раджан — автор термина «биокапитализм» — репрезентирует его как переопределение жизни посредством процессов коммодификации. Коммерциализация наук о жизни и влияние технологий на их основе затрагивают различные стороны человеческой жизни как целостного процесса. В этой связи встает вопрос: в каких направлениях и как происходит трансформация человеческой жизни в контексте биокапитализма. Можно выделить в качестве наиболее значимых три тренда — экономический, модель антропологического типа производства и жизненную политику.

1. *Экономический тренд новейшего капитализма: жизнь как самый дорогой капитал.* Носителем человеческого, интеллектуального и культурного капиталов является человек, его уникальные способности, его индивидуальная жизнь. В этой связи характерно высказывание начальника отдела кадров немецкого концерна «Даймлер-Крайслер» Норберта Бензеля: «Сотрудники составляют часть капитала предприятия... их мотивации и ноу-хау, гибкость, способность к новаторству и ориентация на коллектив — это *сырье*, из которого создаются новые продукты, услуги... А поскольку при оказании услуг значительную роль играет компонент поведения, то мы все больше учитываем в наших оценках и социальную, и эмоциональную компетентность сотрудников» (Горц, 2007: 11; курсив наш. — В. В.). Можно сказать, что это уже такой тип персональной модернизации, при котором формируется и поощряется установка на то, что человек должен вкладывать в свой труд не только профессионализм, а *все себя*, трудящийся сам должен стать предприятием. Так возникает «человек-предприятие», конкурентная борьба заставляет его заботиться о внутренней мотивации, об образовании и повышении квалификации, медицинском страховании, т. е. соответствовать конкурентным запросам. Труд выступает все больше как работа над собой, как самосозидание, а жизнь рассматривается в данном аспекте как бизнес. Французский философ А. Горц пронизательно замечает: «Такое самопредпринимательство ведет к тому, что человек целиком и вся его жизнь превращается в труд, сбывается на рынке. *Жизнь становится самым дорогим капиталом.* Граница между частной жизнью и работой размывается, притом не потому, что рабочая и нерабочая деятельность требует одних и тех же умений, а потому, что вся жизнь оказывается в плену экономического расчета и стоимости» (там же: 18; курсив наш. — В. В.). Личность, ставшая предприятием, должна рассматривать себя как рабочую силу и как постоянный капитал, требующий непрерывного воспроизводства и модернизации, причем не только производительный труд продается, но и все стороны жизни могут быть превращены в бизнес. Продаются, отмечает А. Горц, здоровье, красота, идентичность, брак, зачатие и современные биотехнологии могут поспособствовать успешности такой коммерции.

Такой рыночный фундаментализм, как превращение всего человека и всей его жизни в «капитал», с которым каждый может себя идентифицировать, показывает важнейший тренд новой современности, в котором мы начинаем жить, — господство капитала, подчиняющего и *дисциплинирующего* на стадии когнитивного и биокапитализма индивидуальную человеческую жизнь главной цели — производству прибыли. Это не значит, что этот тренд носит тотальный характер, но возможности его нарастания весьма высоки.

2. *Модель антропогенного типа — тренд на эффективность.*

В условиях изменений, вызванных мутациями современного капитализма, остро встает вопрос об источниках экономического роста, способствующих прибыли. В этом случае человеческая жизнь должна постоянно воспроизводиться в своем ка-

честве, отвечающем потребностям экономики. «В экономически развитых странах складывается модель антропогенного типа, то есть “производство человека человеком”» (Марацци, 2007: 114). В такой модели экономический рост обеспечивается развитием тех секторов в первую очередь, которые нацелены на культурное и социальное воспроизводство человека. Это сектор образования с его вложениями в будущую эффективность человеческого капитала, сектор здравоохранения с демографической политикой и использованием биотехнологий, сектор культуры, связанный с инновациями и информационно-коммуникативными технологиями. В этой модели рост экономики связывается с творчеством и инновационным потенциалом человека.

Значительный вклад в трансформацию человеческой жизни сегодня вносит феномен биотехнонауки. «На когнитивной фазе капитализм преобразует отношение “капитал — труд” в отношение “капитал — жизнь”» (Корсани, 2007: 124). В этой связи отмечается, что сфера услуг расширяется настолько, что производятся не столько товары, сколько жизни, органы, тела, все то, что дает прибыль.

Данный подход обращает наше внимание на то, что изменение личности человека происходит под воздействием внешних факторов — технологий, а не внутренних мотиваций, духовного развития личности. Ориентации биотехнонауки особенно выявляются в реализации жизненной политики.

3. Тренд жизненной политики. Это политика индивидуального выбора стиля жизни (Giddens, 1991). Политика выбора стиля жизни связана с самореализацией человека в обществе позднего модерна, опирающейся на научный потенциал предлагаемых к использованию технологий. Жизненная политика затрагивает самоидентичность человека, которая сегодня возможна как рефлексивный проект. Выбор может касаться гендерной идентичности, проблем аборта и репродукции, а тело может быть подвергнуто рефлексивной реструктуризации с помощью экспертного знания. Распространяются путеводители и практические руководства, как заниматься здоровьем, внешним видом, любовью и т. д. Таким образом, самосовершенствование реализуется не столько на духовном уровне, сколько доминантой становятся телесные практики и распоряжение телесными продуктами и частями тела. Особенно заметны эти явления в репродуктивных технологиях на основе генной инженерии, в связи с переменной пола, видоизменением возрастных оппозиций между фертильностью и стерильностью.

Какие выводы можно сделать из жизненной политики, основанной на индивидуальном выборе и научных технологиях, что тоже может быть истолковано как персональная модернизация в новой современности? Эти практики амбивалентны. Наряду с лечебными эффектами, они несут в себе значительные риски. Возможно, мы, по мнению Ю. Хабермаса (Хабермас, 2002), на пути к либеральной евгенике, и речь идет о самоинструментализации человеческого вида с непредсказуемыми последствиями. В такой ситуации моральные и экзистенциальные вопросы становятся настолько важными, что связываются с выживанием человеческого рода.

ПРЕКАРИАТ: ПЕРСОНАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ФОРМЕ НЕГАТИВНОЙ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Автоматизация, искусственный интеллект, экономика совместного потребления, интернет вещей, цифровые платформы и ряд других технологических новшеств свидетельствуют о смене парадигмы развития, обусловленной четвертой промышленной революцией (Шваб, 2019). Название новой парадигмы множится: это гиганомика (Крауч, 2020), экономика по требованию, экономика тотального надзора, эконо-

номика мобильных приложений и т. д. Многие теоретики отмечают, что мы живем в экономике знаний, а востребованными работниками являются специалисты в сфере знания — когнитариат (Срничек, 2019: 36). На другом, противоположном *когнитариату* полюсе формируется *прекариат*. Вопрос о прекариате как одном из путей трансформации человека в условиях новой технологической современности является одним из самых болезненных вопросов, связанных с негативной индивидуализацией в процессе персональной модернизации. По всему миру увеличивается число людей, которые производят материальные и нематериальные блага, но вместе с тем оказываются лишенными социальных, политических прав и гарантий, что отражается на конкретном человеке в этих обстоятельствах и его индивидуальной судьбе. Прекариат (англ. *precarious* — ненадежный) — это люди, положение которых нестабильно, неустойчиво, является социально незащищенным, лишенным гарантий, связанных с работой. «Статус временного работника заключает в себе главную характеристику прекариата» (Стэндинг, 2020: 26). Британский социолог Г. Стэндинг показывает прекариат как *образ человеческой индивидуальности, лишенной возможности развития*, обусловленный прежде всего объективными причинами. Поскольку число таких людей постоянно растет, то речь может идти о новом опасном классе, который еще на данный момент не выработал политическую программу борьбы и потому не перешел из «класса в себе» в «класс для себя». Его концепция раскрывается в ответе на пять главных вопросов о прекариате: что это за класс, почему нас должен беспокоить его рост, почему он растет, за счет кого пополняется и к чему это может привести? Прежде всего причиной возникновения прекариата в современных условиях конца XX — начала XXI в. является замещение труда машинами на основе новых технологий (см.: Форд, 2019). Это привело к изменению характера труда и невостребованности в прежних количествах наемных работников, появлению «лишних людей» (Кастель, 2009: 185) Другой причиной является неолиберальная модель организации производства. Главный ее принцип заключается в том, что экономический рост зависит от рыночной конкурентоспособности, и поэтому следует повышать гибкость и подвижность рынка труда, проникновение рыночных механизмов во все сферы жизни, а бремя рисков переложить на плечи работников и их семей. «Гибкость включала много аспектов: гибкость зарплаты означала скорейшее приспособление к необходимым изменениям; гибкость занятости — возможность для фирм быстро менять уровень занятости, преимущественно в сторону понижения, причем с сокращением гарантий обеспечения» (Стэндинг, 2020: 20). Такая социальная нестабильность и лишение работы формировали многообразие прекариата. Это не только временные работники, занятые неполный день, но и жители страны — резиденты (имеющие меньше прав по сравнению с гражданами), мигранты (беженцы, переселенцы, нелегалы), безработные, стажеры, осужденные. Психологическое состояние таких людей и их индивидуальность как следствие существования в таких социальных условиях характеризуется недовольством, тревогой, отчуждением, аномией.

Номо *precarious* — человек, принадлежащий прекариату, лишен возможности самореализации и самоутверждения, он тем самым исключен из социума, а потому прекариат — опасный класс. «Те, кто не видит безопасного и четкого в статусном плане будущего, почувствует страх и отчаяние и в результате сможет выместить свое недовольство на реальных или мнимых виновниках своего несчастья. А отчуждение от основных каналов экономического изобилия и прогресса ведет к нетерпимости» (там же: 56). В такой ситуации прекариат может быть вовлечен в ряды крайних политических течений, поддерживая популистскую демагогию. Конструктивная

программа, которую предлагает Г. Стэндинг, — «политика рая», в отличие от неоллиберальной «политики ада», опирается на три великие понятия: свобода, равенство, братство, причем свобода понимается прежде всего как способность действовать сообща. «Политика рая» многовекторна и социально ориентирована, дает шанс на достойную жизнь и инклюзивную персональную модернизацию. Главная ее идея и этическое обоснование связано с безусловным базовым доходом. Базовая экономическая защищенность, которая может быть целью государственной политики, считает Г. Стэндинг, включает пять пунктов. Это безусловный базовый доход — гарант стабилизации; перераспределение финансового капитала, где будет доля прекариата; контроль над временем — означает, что принимать решения следует независимо от диктата рынка; необходимость общественного производства; гранты на досуг.

*СРЕДНИЙ КЛАСС: ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАМЕЩЕНИЕ ТРУДА
И ПЕРСПЕКТИВЫ КАПИТАЛИЗМА*

В пирамиде структурных сдвигов между вершиной высокопрофессионального когнитариата и нижним основанием социальной структуры — прекариатом располагается средний класс. Его судьба в эпоху технологического замещения труда связана с судьбой будущего капитализма. Эту позицию аргументированно обосновывает президент Американской социологической ассоциации профессор Рэндалл Коллинз, считая, что средний класс остается без работы и прежние выходы из кризисов закрываются. Технологическое замещение среднего класса — главная проблема. Если ранее из-за автоматизации в индустриальном обществе сокращался рабочий класс, но капитализм адаптировался, выдвинув высвобождающиеся массы в растущие ряды среднего класса. В настоящее время компьютеризация, Интернет, искусственный интеллект позволяют сокращать средний класс. Прежние пять выходов (Коллинз, 2017) из кризисов прошлого оказываются заблокированными. Выход, рассчитывающий на то, что новые технологии создают новые рабочие места и новые виды задач, не является состоятельным, он противоречит многим оптимистическим сценариям. «Компьютеризация среднего класса не возмещается созданием новых рабочих мест. Новые рабочие места создаются, но их число меньше по сравнению с тем, что было раньше, равно как меньше и доходы. Поэтому переквалификации для сокращенных работников не особо влияют на показатели структурной безработицы» (там же: 66). Кроме того, технологии развиваются. Когда компьютерные программы начнут создаваться самими компьютерами, процесс замещения рабочих мест среднего класса будет практически завершен. Этот тренд в ближайшие 20–100 и далее лет будет только усиливаться до тех пор, пока существует капиталистическая конкуренция.

Надежда на географическое расширение рынков также не решит проблемы среднего класса, так как благодаря Интернету расширяется количество претендентов на квалифицированную и вместе с тем удаленную работу в любой точке мира. Жизнь высококлассных профессионалов и технических специалистов будет наполняться конкуренцией и как следствие этого — сокращением зарплаты. Культурный капитал распределится благодаря коммуникационным технологиям более равномерно, а рабочие места даже для верхнего среднего класса сократятся.

Р. Коллинз называет еще три выхода, которые в прошлом помогали решить проблему занятости, но в эпоху новейших технологий и структурного кризиса не кажутся состоятельными. Это финансовые метарынки, государственная работа и госинвестиции и инфляция дипломов об образовании. Все эти социальные институты не в состоянии,

по мнению Р. Коллинза, задействовать избыточную рабочую силу, даже образованную, особенно в долгосрочной перспективе. Именно поэтому данный концептуальный подход будущее связывает с посткапитализмом и возможными колебаниями между экономическими режимами в долгосрочной перспективе — между капитализмом и новым социализмом. Крах капитализма прогнозируется им тогда, когда безработица трудоспособного населения достигнет 50% или 70%, и это возможно уже в середине XXI в. «Реальные бедствия будущего — это не какое-то восстание роботов-франкенштейнов, но последняя стадия технологического замещения труда в интересах узкой группы капиталистов — владельцев роботов» (там же: 110).

Можно сделать вывод, что технологическое замещение труда усиливает тенденцию к социальному неравенству и подрывает потребительские рынки, лишая средний класс доходов и покупательной способности. Это может в конечном счете сделать капитализм нежизнеспособным, а персональную модернизацию проблематичной.

Можно отметить в поддержку идеи технологического замещения труда работников, принадлежащих к среднему классу — основы любого общества, — переход к цифровым платформам как к новым бизнес-моделям. К таким крупным цифровым платформам сегодня относятся Uber, Google, Facebook, Amazon и ряд других, влияние которых усиливается, а положение человека как работника и потребителя проблематизируется. Платформы, основанные на добыче нового вида сырья в XXI в. — данных, использование которых в качестве посредника позволяет сокращать издержки, повышать производительность труда и извлекать прибыль. На положении человека данный тип бизнес-модели отражается в таких формах, как процессы аутсорсинга, давления монополии, сокращение занятости и доходов, расшатывание позиций квалифицированных работников, а также использование потребительского контента как средства сбора данных и контроля.

Признаки платформы и их виды позволяют понять характер их деятельности и способы извлечения прибыли. Во-первых, на самом общем уровне платформы — это цифровые инфраструктуры, выступающие в качестве *посредников*, соединяющих различных пользователей: покупателей, производителей, поставщиков товаров. Во-вторых, цифровые платформы порождают сетевые эффекты. Чем больше пользователей, тем лучше срабатывают поисковые алгоритмы. В-третьих, они стремятся удержать растущее число пользователей, связывая это с ценовой политикой и полезными приложениями, создающими вокруг себя целую экосистему. Наиболее значимыми в настоящее время являются пять типов платформ. Это рекламные, облачные, промышленные, продуктовые и бережливые, функции которых могут сопрягаться. Каждая из них по-своему связана с влиянием на человека. Например, изменение условий эксплуатации труда: «"Бережливые платформы" работают по модели гипер-аутсорсинга, на внешнем подряде и работники, и основные фонды, и затраты на обслуживание и учебную подготовку. В собственности остается совершенный минимум — контроль над платформой, которая позволяет извлекать ренту монополиста» (Срничек, 2019: 69). Тяготение к аутсорсингу в сфере труда порождает тревогу относительно складывающегося тренда — не движемся ли мы к эпохе «одноразовых работников», используемых «точно вовремя»?

Бережливые платформы превратили услуги в торгуемые, создавая предложение рабочей силы до глобальных масштабов. «"Бережливые платформы" есть продукт нескольких тенденций и обстоятельств: распространение практик аутсорсинга, избыточное население, цифровизация жизни, а также рост уровня безработицы...» (там же: 79).

Исходя из данной картины трансформации труда под воздействием новейших технологий, в том числе цифровых, можно сделать вывод, что возможности персональной модернизации обусловлены объективными изменениями самого капитализма, экономический рост и императивы прибыли которого дифференцируют потребность в работниках разного уровня компетенций, создавая слои когнитариата высокого уровня, замещение труда среднего класса и образуя «армию» прекариата. Такая социальная ситуация углубляющегося неравенства в возможностях развития человеческого потенциала, создает риски в будущем и ставит под вопрос ту программу, которую предлагает концепция развития ПР ООН.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если исходить из сущности философского понимания современности, которая «завяляет себя как двуединая проблема субъективной свободы и общественного порядка» (Капустин, 2001: 587), то в новой современности гармоничный баланс этого единства нарушается в пользу общественного порядка — современных форм капитализма.

Если исходить из сущности философского понимания современности, то гармоничный баланс единства субъективной свободы и общественного порядка нарушается в пользу общественного порядка — современных форм капитализма.

На наш взгляд, формируется глобальный *тренд дисциплинарного капитализма*, который использует потенциал новейших технологий для того, чтобы сокращать издержки по производству прибыли и использовать данные как сырье, генерируемое человеком, а его самого как объект дисциплинирования, связывая его положение с аутсорсингом, сокращением занятости и доминированием монополии на рынке труда.

Использование когнитивных технологий нацелено на востребованность ограниченного числа высокопрофессиональных работников, подталкивая их к дисциплине «человек-предприятие», ориентированной на самомодернизацию.

Использование биотехнологий и генной инженерии создает условия для достижения самодисциплинирования в желании добиться успеха в сфере индивидуальной «политики жизни». В ней человек вынужден биографически разрешать системные противоречия, неся за них ответственность и создавая из своей жизни на основе дисциплины эффективную конкурентоспособную силу. Все эти процессы реализуются на фоне исходного, а затем углубляющегося социального неравенства. Конечно, технологии — это средства, целеполагание определяется политикой выбора стратегии, в которой будут реализовываться персональная модернизация и человеческое развитие.

На данный момент мы можем все же констатировать, что пространство свободы в возможностях человеческого развития сужается, а дисциплинарность и надзор усиливаются. Возникают возможности с помощью технологий манипуляции человеком рассматривать его как средство, а не цель общественного развития. В этой связи становится особенно актуальной проблема будущего в социально-философских концепциях, в том числе и цивилизационного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауман, З. (2019) Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; под науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ. 160 с.

Ван Парайс, Ф, Вандерборхт, Я. (2020) Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики / пер. с англ. А. Гусева ; под науч. ред. С. Моисеева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 440 с.

Веряскина, В. П. (2021) Человеческий потенциал в глобальном мире: концепция Программы развития ООН (ПР ООН) // Человек в глобальном мире: риски и перспективы / отв. ред. Г. Л. Белкина ; ред.-сост. М. И. Фролова. М. : Канон+, 2021. 368 с. С. 211–234.

Горц, А. (2007) Знание, стоимость, капитал. К критике экономики знаний // Логос. № 4 (61). С. 5–63.

Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития (2016) : пер. с англ. М. : Изд-во «Весь мир». 284 с.

Доклад о человеческом развитии «За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке (2019) Опубликовано для Программы развития Организации Объединенных Наций (ПР ООН) [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf (дата обращения: 12.12.2020). 40 с.

Доклад ООН «Индексы и индикаторы человеческого развития». Обновленные статистические данные (2018). Опубликовано для Программы развития ООН [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 12.12.2020). 122 с.

Капустин, Б. Г. (2001) Современность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль. 362 с. С. 587.

Кастель, Р. (2009) Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя. С. 185. 576 с.

Коллинз, Р. (2017) Средний класс без работы // Есть ли будущее у капитализма? : сб. ст. / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун ; пер. с англ. под науч. ред. Г. Дерлугьяна. М. : Изд-во Института Гайдара. 330 с. С. 61–112

Корсани, А. (2007) Капитализм, биотехнология и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. № 4 (61). С. 123–143.

Крауч, К. (2020) Победит ли гиг-экономика? / пер. с англ. Ю. Каптуревского ; под науч. ред. С. Шукиной. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 144 с.

Марацци, Кристиан (2007) Тело-машина и его амортизация // Логос. № 4 (61). С. 114–122.

Полякова, Н. Л. (2004) XX век в социологических теориях общества. М. : Изд-во «Логос». 384 с.

Сен, Амартия (2004) Развитие как свобода / пер. с англ. под ред. и послесл. Р. М. Нуреева. М. : Новое издательство. 432 с.

Срничек, Н., Уильямс, А. (2019) Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Н. Охотина ; под ред. Е. Лавут. М. : Strelka Press. 336 с.

Срничек, Н. (2019) Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 128 с.

Стэндинг, Гай (2020) Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М. : Издательство «АД Маргинем Пресс». 368 с.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культурная революция, 2008. 608 с.

Форд, М. (2019) Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы / пер. с англ. С. Чернина. М. : Альпина нон-фикшн. 572 с.

Хабермас, Ю. (2002) Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? : пер. с нем. М. Л. Хорькова; науч. ред. Е. Л. Петренко. М. : Изд-во «Весь мир». 144 с.

Шваб, К. (2019) Четвертая промышленная революция. М. : ЭКСМО. 209 с.

Becker, G. P. (1975) Human Capital: The Theoretical and Empirical Analysis. New York : National Bureau of Economic Research. 264 p.

Giddens, A. (1991) Modernity and Self-Identity. Stanford, California : Stanford University Press. 256 p.

Inkeles, A., Smith, D. (1974) Becoming modern: Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press. 437 p.

Rajan, K. (2006) Biocapital. The Constitution of Postgenomic Life. Duke University Press, Durham and London. 346 p.

Wagner, R. (1994) Sociology of Modernity. Liberty and Discipline. L. — N. Y. : Routledge. 267 p.

Дата поступления: 18.12.2020 г.

PERSONAL MODERNIZATION: HUMAN TRANSFORMATION
ON THE WAY TO A NEW MODERNITY

V. P. Veryaskina
RAS Institute of Philosophy

The relevance of the problem of personal modernization is due to the need for a theoretical understanding of the challenges to human development in the 21st century in connection with the transition to post-industrial development, the knowledge economy and the introduction of new technologies.

The article analyzes the little-studied aspects of personal modernization in the conditions of the new modernity. Personal modernization is understood as the process of human interaction with social institutions, primarily with the latest forms of capitalism — cognitive, digital, biocapitalism. The work shows that the transformation of a person of the new modernity of the 21st century is associated with a change in the nature of work and the demand for a new type of employee, focused on creativity, innovation, and development of human capital. Along with the demand for specialists with a high level of human capital in the field of knowledge — knowledge workers, the replacement of labor with technology leads to the emergence of a precariat and a change in the social status of the middle class. These processes are taking place in the global world in the context of growing social inequality.

As a result, the author comes to the conclusion that the personal modernization of a person in the new modernity is being implemented in the context of the emerging trend towards disciplinary capitalism. At the same time, the space for freedom of opportunities for human development is narrowing, and disciplinarity, supervision and manipulation of a person with the help of technology increases. Social inequality in this situation serves as a catalyst for limiting the possibilities of human development.

Keywords: personal modernization; human development; inequality; capitalism; technologies; labor; human capital; knowledge workers; precariat; middle class

REFERENCES

- Bauman, Z. (2019) *Retrotopiia* / transl. from English by V. L. Silaeva; O. A. Oberemko (ed.). Moscow, VTsIOM. 160 p. (In Russ.).
- Van Parice, F., Vanderborcht, Ia. (2020) *Bazovyi dokhod. Radikal'nyi proekt dlia svobodnogo obschestva i zdorovoi ekonomiki* / transl. from English A. Gusev; ed. by S. Moiseev. Moscow, Higher School of Economics. 440 p. (In Russ.).
- Veriaskina, V. P. (2021) Chelovecheskii potentsial v global'nom mire: kontseptsiiia Programmy razvitiia OON (PR OON). In: *Chelovek v global'nom mire: riski i perspektivy* / ed. by G. L. Belkina; ed.-comp. by M. I. Frolova. Moscow, Kanon+. 368 p. Pp. 211–234. (In Russ.).
- Gorz, André (2007) Znanie, stoimost', kapital. K kritike ekonomiki znaniia. *Logos*, no. 4 (61), pp. 5–63. (In Russ.).
- Doklad o chelovecheskom razvitiu 2015. Trud vo imia chelovecheskogo razvitiia* (2016) / transl. from English. Moscow, «Ves' mir». 272 p. (In Russ.).
- Doklad o chelovecheskom razvitiu «Za ramkami urovnia dokhodov i srednikh pokazatelei segodniashnego dnia: neravenstvo v chelovecheskom razvitiu v XXI veke»* (2019) [online] Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf (accessed 12.12.2020). 40 p. (In Russ.).
- Doklad OON «Indeksy i indikatory chelovecheskogo razvitiia»*. *Obnovlennye statisticheskie dannye* (2018) [online] Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (accessed 12.12.2020). 122 p. (In Russ.).
- Kapustin, B. G. (2001) *Sovremennost'. Novaia filosofskaia entsiklopediia* in 4 vol. Vol. 3. Moscow, Mysl'. 362 p. P. 587. (In Russ.).
- Castel, R. (2009) *Metamorfozy social'nogo voprosa. Hronika naemnogo truda* / transl. from French; ed. by N. A. Shmatko. St. Petersburg, Aletejja. 576 p. (In Russ.).
- Collinz, R. (2017) *Srednii klass bez raboty*. In: *Est' li budushchee u kapitalizma?* : collection of articles. I. Wallerstein, R. Collinz, M. Mann, G. erluguian, K. Calhoun / transl. from English ; ed. by G. Derluguian. Moscow, Institut Gaidara. 330 p. Pp. 61–112. (In Russ.).

- Corsani, A. (2007) Kapitalizm, biotekhnouka i neoliberalizm. Informatsiia k razmyshleniiu ob otnosheniakh mezhdou kapitalom, znaniiem i zhizn'iu v kognitivnom kapitalizme. *Logos*, no 4 (61), pp. 123–143. (In Russ.).
- Crouch, K. (2020) *Pobedit li gig-ekonomika?* / transl. from English by Iu. Kapturevsky; ed. by S. Shchukina; Moscow, Higher School of Economics. 144 p. (In Russ.).
- Marazzi, Kristian (2007) Telo-mashina i ego amortizatsiia. *Logos*, no. 4 (61), pp.114–122. (In Russ.).
- Poliakova, N. L. (2004) *XX vek v sotsiologicheskikh teoriiakh obschestva*. Moscow, Logos. 384 p. (In Russ.).
- Sen, Amartya (2004) *Razvitie kak svoboda* / transl. from English; ed. and afterword by R. M. Nureev. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 432 p. (In Russ.).
- Srnicek, N. and Williams, A. (2019) *Izobretaia budushchee: postkapitalizm i mir bez truda* / transl. from English by N. Okhotin ; ed. by E. Lavut. Moscow, Strelka Press. 336 p. (In Russ.).
- Srnicek, Nik (2019) *Kapitalizm platform* / transl. from English; ed. by M. Dobriakova. Moscow, Higher School of Economics. 128 p. (In Russ.).
- Stending, Gai (2020) *Prekariat: novyi opasnyi klass* / transl. from English by N. Usova. Moscow, AD Marginem Press. 368 p. (In Russ.).
- Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 608 p. (In Russ.).
- Ford, M. (2019) *Roboty nastupaiut: razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty* / transl. from English by S. Chernin. Moscow, Al'pina non-fikshn. 572 p. (In Russ.).
- Habermas, Ju. (2002) *Budushchee chelovecheskoi prirody. Na puti k liberal'noi evgenike?* / transl. from German by M. L. Khor'kova ; ed. by E. L. Petrenko. Moscow, «Ves' mir». 144 p. (In Russ.).
- Schwab, K. (2019) *Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia* / transl. from English. Moscow, EKSMO. 209 p. (In Russ.).
- Becker, G.P. (1975) *Human Capital: The Theoretical and Empirical Analysis*. New York, National Bureau of Economic Research. 264 p.
- Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity*. Stanford, California, Stanford University Press. 256 p.
- Inkeles, A. and Smith, D. (1974) *Becoming modern: Individual Change in Six Developing Countries*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press. 437 p.
- Rajan, K. (2006) *Biocapital. The Constitution of Postgenomic Life*. Duke University Press, Durham and London. 346 p.
- Wagner, R. (1994) *Sociology of Modernity. Liberty and Discipline*. L. — New York, Routledge. 267 p.

Submission date: 18.12.2020.

Веряскина Валентина Петровна — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. Тел. +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: vveryaskina@gmail.com

Veryaskina Valentina Petrovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Research Fellow, Sector of Social Philosophy, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel. +7 (495) 697-98-93. E-mail: vveryaskina@gmail.com